

ЛИТЕРАТУРА

- Brisard F., Östman J.-O., Verschueren J., 2009: *Grammar, Meaning and Pragmatics*. Amsterdam.
- Cutting J., 2003: *Pragmatics and discourse: a resource book for students*. London.
- Hedberg N., Zacharski R. (eds.), 2007: *The grammar – pragmatics interface: essays in honor of Jeanette K. Gundel*. Amsterdam; Philadelphia.
- Horn L.R., Ward G. (eds.), 2006: *The handbook of pragmatics*. Padstow. (Blackwell handbook in linguistics; 16).
- Levinson S.C., 1983: *Pragmatics*. Cambridge.
- Mey J.L. (ed.), 2009: *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. Oxford.
- Pütz M., Aertselaer J. Neff-van (eds.), 2008: *Developing Contrastive Pragmatics: Interlanguage and Cross-cultural Perspectives*. Berlin; New York.
- Trosborg A., 1995: *Interlanguage Pragmatics: Requests, Complaints, and Apologies*. Berlin; New York.
- Wierzbicka A., 1991/2003: *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin; New York.
- Yan Huang, 2006: *Pragmatics*. Oxford.
- Yule G., 1996: *Pragmatics*.
- Норман Б.Ю., 2006: *Игра на границах языка*. Москва.
- Сусов И.П., 2009: *Лингвистическая прагматика*. Винница.

E-mail: suprunchuk@tut.by

*Н.В. Супрунчук,
О.С. Горицкая, О.А. Ковиш
Минск*

Людмила Гарбуль. Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. 484 p. ISBN 978-9955-33-516-0

В июле 2009 г. на филологическом факультете Вильнюсского университета состоялась защита докторской диссертации Людмилы Гарбуль *Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Текст диссертации, представляющей собой глубокое, зрелое исследование, был опубликован в это же время в издательстве Вильнюсского университета в виде монографии. Несмотря на существование достаточно обширной лингвистической литературы, связанной с польским влиянием на лексическую систему русского языка, монографические исследования такого плана, затрагивающие вопросы семантического калькирования до сих пор являются редкостью. Отрадно, что автору рецензируемой монографии в значительной мере удалось восполнить этот пробел.

Исследование Людмилы Гарбуль посвящено проблеме польско-русских языковых контактов в тот важный исторический период, когда создавались

предпосылки для возникновения русского литературного языка нового типа. Объектом изучения послужили семантические заимствования из польского языка (или при его посредничестве) в дипломатической корреспонденции Посольского приказа Московского государства (далее МГ) конца XVI–первой половины XVII в. В качестве источников были использованы опубликованные посольские книги и их фрагменты, отражающие отношения МГ с европейскими державами того времени, а также с Турцией. Отличительной особенностью этих памятников является разнообразие заключенных в них сведений, касающихся как внешней политики, так и внутренней жизни, что делает их особенно ценными источниками для историков языка и культуры. Автор справедливо полагает, что в анализируемый период именно дипломатические документы были наиболее подвержены внешнему влиянию, а следовательно, они должны отражать многие языковые инновации, в том числе в области лексики. В общей сложности Л. Гарбуль исследовала 29 исторических источников, что позволило ей собрать исключительно богатый материал: в работе рассмотрено 309 лексем, каждой из которых посвящен отдельный историко-этимологический очерк. Судьба каждой лексемы прослеживается не только в русском и польском, но также в украинском и белорусском языках, поскольку последние могли играть роль посредника в процессе заимствования. При этом особое внимание уделяется временному срезу второй половины XVI–XVII вв.

Монография состоит из введения, двух аналитических частей, заключения, словаря, списка источников и литературы, а также словоуказателя (что очень удобно для читателя). Во *Введении* рассматриваются исторические и культурные предпосылки польского влияния на русский язык в изучаемый период; условия формирования русского литературного языка нового типа, а также факторы, способствовавшие этому процессу, в частности польское влияние на русский язык как один из таких факторов. Несомненным достоинством вводной части работы является подробный обзор научной литературы, посвященной польско-русским культурным и языковым контактам XV–XVIII вв. (общий список литературы в конце работы содержит более 400 наименований). Здесь же дается определение основных понятий, которыми оперирует автор, в том числе связанных с процессом заимствования и семантическим калькированием. В общей сложности *Введение* занимает около 70 страниц, из-за чего складывается впечатление, что обзору литературы вполне можно было бы посвятить отдельный раздел. Во вводной же части можно было ограничиться традиционной для нее общей характеристикой работы (актуальность темы, объект и задачи исследования и т.п.), которая несколько неожиданно завершает, а не предваряет обширный анализ литературы.

В аналитических частях монографии (*Семантические полонизмы, установленные впервые* и *Семантические полонизмы, регистрировавшиеся в предыдущих исследованиях польско-русских языковых контактов XV–XVIII вв.*) на материале дипломатической корреспонденции МГ конца XVI–первой поло-

вины XVII вв. прослеживается судьба лексем, представляющих собой, по мнению автора, семантические полонизмы. При этом особое внимание уделяется посреднической роли других восточнославянских языков в процессе калькирования. Каждая из двух аналитических частей состоит из трех разделов, в которых исследуемый языковой материал расположен в порядке следования частей речи в академической грамматике русского языка. Все разделы завершаются обобщением результатов. Полный перечень семантических полонизмов исследуемого периода — как установленных автором диссертации, так и выявленных ранее в работах других исследователей — представлен в *Словнике*.

Кропотливо проведенный анализ всего материала позволил Л. Гарбуль сделать очень интересные выводы, в основном не вызывающие возражений: подавляющее большинство лексем (около 290 из 309) в анализируемых значениях следует признать семантическими полонизмами. Более чем в половине случаев факт калькирования установлен в работе впервые. Из 66 случаев потенциальных семантических заимствований, подвергшихся в работе процедуре верификации, факт калькирования подтвержден 52 раза. Кроме того, для значительной части семантических инноваций была определена хронология их появления в русской письменности.

Статистическая обработка результатов исторического анализа позволила автору проследить динамику проникновения семантических полонизмов в русский язык: 5,8 % калек приходится на XV в., 26,8 % — на XVI в., 67,4 % — на XVII в., что демонстрирует усиление польского влияния на политическую и культурную жизнь Московского государства в этот период. Причем, по данным Л. Гарбуль, на протяжении семнадцатого столетия интенсивность польского влияния на лексику-семантическую систему русского языка была неравномерной: пики его приходятся на Смутное время (48,8%), а также на период со второй половины 40-х до середины 50-х гг. XVII в. (26,7%). Эти данные вполне вписываются в контекст исторических событий XVII в., способствовавших непосредственным активным контактам МГ с Польшей и ВКЛ. Судьба около 39,5% семантических полонизмов, по данным автора, не прослеживается в русском письменном языке далее XVII в. Функционирование приблизительно 28% польских калек в русском языке ограничивается XVIII–XIX вв., а около 32% продолжают активно бытовать в нем до сих пор.

Еще одно ценное наблюдение автора касается того, что более чем в 80% случаев семантическое калькирование из польского осуществлялось в результате сложных языковых контактов, когда в качестве посредника выступал канцелярский язык ВКЛ, а позднее, со второй половины XVI в., так наз. *простая мова*. Причем, судя по материалам исследования Л. Гарбуль, удельный вес семантических заимствований конца XVI–XVII вв. очень высок не только в кругу специальной терминологии этого периода (администрации, правосудия, военного дела, медицины и т.д.), но и в сфере общеупотребительной лексики. Данные факты указывают на масштаб польского влияния не только на лексико-

семантическую систему русского языка, но и на языковую ситуацию Московской Руси в целом.

Примечательно, что подавляющее большинство подвергшихся анализу лексем (93,9%) по происхождению представляют собой внутриславянские дериваты, имеющие, как правило, общеславянское распространение. Выявление такого рода заимствований, как справедливо отмечает Л. Гарбуль, сопряжено со значительными трудностями, поэтому полученные результаты не могут не содержать элемента гипотетичности. В работе основным критерием при установлении или, напротив, опровержении факта калькирования послужила хронология первой фиксации значения в одном из рассматриваемых языков, хотя во вводной части исследования автор отмечает предпочтительность использования комплексного подхода [с. 25–30]. Представляется, что в построениях аргументации следовало бы уделить больше внимания изучению системных связей слов, то есть исторической парадигматике и синтагматике в рамках самого русского языка. Именно такой системный подход, когда история слова рассматривается не изолированно, но на фоне его лексико-семантических, словообразовательных и типологических связей, все более укореняется в исторической лексикологии и семасиологии. Так, лексема *рысь* ‘мех рыси’ [с. 92, 448] типологически полностью соответствует другим наименованиям, сложившимся в русском языке по модели ‘зверь’ — ‘название его меха’ (*лиса, заяц, волк* и т.п.), что является серьезным аргументом в пользу исконности данного значения. Историю русск. *воня, вонь* [с. 71, 433] нельзя рассматривать вне семантической эволюции всего синонимического ряда *вонь — запах — смрад (смород)*, а также соответствующих глаголов. Уточнение семантического развития русск. *выпись* [с. 73, 433] требует привлечения истории словообразовательных вариантов *запись, надпись, подпись*, а, например, изучение слова *подвода* [с. 86, 433] невозможно без учета особенностей назначения и структуры всех видов повозок того времени, то есть без учета системы реалий. Обращение к внутрисистемным связям лексики позволило бы автору не только вернуть ряд слов “на круги своя”, т.е. в лексико-семантическую систему русского языка, но и, напротив, более аргументированно обозначить многочисленные факты семантического калькирования.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что, несмотря на высказанные замечания, исследование Людмилы Гарбуль, выполненное на столь обширном материале, представляет новые интересные данные не только относительно исторических контактов польского и русского языков, но и относительно общих механизмов семантического калькирования, а потому оно будет важным и полезным для широкого круга специалистов.